

The City of Many Faces

What defines a city? Various characteristics can describe a city, yet each becomes elusive when faced with real-world examples. Even the combination of these traits needs further explanation depending on the city in question, whether in terms of time or geography. The multifaceted nature of the city as a phenomenon, its variability, and its pivotal role in historical development processes necessitate an interdisciplinary research approach.

The traditional historiography of the Russian city, which began in the eighteenth century with the works of G. F. Müller, has since been enhanced with numerous studies spanning diverse fields, from historical and architectural to urban anthropology¹.

The significance of this topic has influenced the content of the *Problema voluminis* section, which focuses on Early Modern urban environments. The section starts with an article by *Elena Kamarauli* (Voronezh, Russia), who examines the formation of urban communities in the specific context of the southern Russian borderlands at the turn of the seventeenth century. Given that a self-organised and self-governing community is a defining characteristic of a city, and that the forms and structures of these communities, as well as their origins, vary significantly, this topic extends beyond local interest. This claim is further supported by subsequent articles exploring social stratification and zoning in newly built Russian cities: St Petersburg, the future imperial capital (*Denis Aleshin* and *Tatiana Bazarova*, St Petersburg, Russia), and Yekaterinburg, destined to become a major centre for mining and metallurgy (*Elena Borodina* and *Svetlana Tsemenkova*, Yekaterinburg, Russia). Both articles utilise data from household censuses and related materials. Initially, neither St Petersburg nor Yekaterinburg had well-established urban communities: the former had a fortress and shipyard, while the latter had a fortress and factory. The primary residents of these cities “comprised soldiers and builders; there were very few nobles, merchants, or artisans” [Базарова, с. 4]. Nonetheless, these urban centres began developing civic communities from their inception. Household censuses allow for a detailed reconstruction of social processes, an authentic social taxonomy, and insights into governance methods. Particularly valuable is how the article presents the social environment in dynamic development over various periods: several years (1707–1711, St Petersburg) and several decades (1728 and 1788, Yekaterinburg).

¹ For a brief but comprehensive overview of the methodological practices of studying the history of the Russian city, see: [Каменский, с. 11–21].

Olga Ermakova (Yekaterinburg, Russia) and *Elena Glavatskaya* and *Julia Borovik* (Yekaterinburg, Russia) focus on specific social strata within the city. Ermakova's work delves into the socio-legal status of foreign specialists in Russia during the early eighteenth century, highlighting conflicts in legal consciousness between these specialists and Russian authorities. The other article examines the life trajectories of economically active women, primarily merchant women in Yekaterinburg at the end of the nineteenth century, and the shifts in their demographic behaviour related to widowhood and their roles in the city's economic life. *Olga Kosheleva's* research (Moscow, Russia) concentrates on public behaviour and communication in Russian cities during the eighteenth century. A key space in Russia, in this regard, was the church. Despite being considered a space of social and gender tensions, in Russian contexts, it cannot be regarded as a public space in the sense Jürgen Habermas used the term.

In every journal issue, we aim to dedicate at least half of its volume to collections of articles outside the main theme, offering a platform for a broad range of authors to present their views. Here, the urban theme extends beyond the main section. In the *Origines* section, it is represented by two eighteenth-century publications. Historical sources often stem from grand politics, but politics itself has long been a product of urban culture, where *πόλις* represents both the city and its urban society, the assembly of free and empowered citizens, the civic community, and their urban/state activities – *πολιτική*.

Marina Nakishova (Yekaterinburg, Russia) invites readers to delve into the intrigues of European powers (Russia, Prussia, Sweden, Great Britain, France) concerning the “Courland question” – the struggle for influence over the Duchy of Courland, an autonomous part of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The death of the ruling Ketteler dynasty led to many candidates vying for the vacant throne, each backed by different external forces. Notably, Russia played an active role in this contest, particularly as the widowed duchess of this Baltic principality, Anna Ioannovna (the future Russian empress), was Peter the Great's niece. To advance Russian interests, General Police Chief Anton Devieir was sent on a secret mission to Mitau, Courland's capital, in 1726–1727. His letters to Empress Catherine I, translated by the authors of this article, are published here for the first time.

Also, intriguing are the circumstances leading to the emergence of another source with information from a contemporary foreign observer about events in St Petersburg during the early weeks following the coup in favour of Elizabeth Petrovna. *Sergey Mezin* (Saratov, Russia) and *Natalia Speranskaya* (St Petersburg, Russia) have published letters in French addressed to the Masovian Voivode, Stanisław Poniatowski, written in December 1741. The authors attribute these letters to Johann Sigismund von Petzold, the secretary of the Saxon embassy at the Russian court. The text in the *Origines* section is not the original letter but a later 1750s copy made by an unknown scribe for Voltaire, who was working on *The History of the Russian Empire under*

Peter the Great. The French original of this copy is known and available, and the journal presents the Russian translation by the authors for the first time.

The theme of the city continues in the *Disputatio* section. Most of the articles pertain to political and social history, with their protagonists predominantly living and acting within urban spaces. *Andrei Usachev* (Moscow, Russia) explores the little-researched topic of the personal connections between bishops and representatives of the secular political elite in sixteenth-century Russia. The maintenance of mutually beneficial interactions between spiritual and secular authorities created informal networks of trust on a horizontal level.

Based on new materials, *Sergey Polekhov* (Moscow, Russia) and *Vladimir Shishkin* (St Petersburg, Russia) reconstruct the dynastic and diplomatic interactions between the courts of the Moscow Rurikids and the Habsburgs, during the second decade of the sixteenth century. The Russo-Imperial relations of this time are sparsely represented in sources and insufficiently studied. The authors fill this research gap by revealing the reasons for both sides' interest in maintaining connections and the ineffectiveness of their attempts due to the divergence of goals between the Moscow and Imperial dynasties in the complex web of contemporary international politics.

In his article, *Igor Tyumentsev* (Rostov-on-Don, Russia) analyses the events of one stage of the Russian Time of Troubles in the early seventeenth century: the reasons for the collapse of the Tushino camp of False Dmitry II, the "reassembly" of his "court" in Kaluga, and the role of Cossacks, mercenaries, and service people in these processes. *Dmitry Timofeev* (Yekaterinburg, Russia) considers Russia in the first quarter of the nineteenth century. The author investigates the mechanisms and channels of feedback between government institutions and their subjects, which allowed the government to assess the necessity and feasibility of reforms. The article is based on collective petitions and requests from the nobles of the Dinaburg Uyezd and Grodno Governorate to the central authorities concerning the emancipation of peasants from serfdom, the organisation of the local judiciary, and administrative-financial activities.

Zhang Guangxiang and *Su Ning* (Changchun, China) turn to the history of Russian constitutionalism in the early twentieth century. Analysing a wide range of scholarly literature on the subject, the authors conclude that a paradoxical situation had developed around the problem of constitutional reforms in late Imperial Russia. On the one hand, the ideas of constitutionalists were doomed to fail, as they did not enjoy any significant support from all the main social groups and political forces operating in Russia at the time. On the other hand, the emergence of Russian constitutionalism and its advocates' ideas can be considered extremely important and productive for the development of social and political thought in the region.

The section concludes with a study by *Gyula Szvák* (Budapest, Hungary) on the political fate of Kálmán Rátz, a former Hungarian officer of the

Honved during World War I, who pursued a political career within the ranks of the national-socialist Nyilaskeresztes movement and was considered the author of the first Hungarian “History of Russia” in the twentieth century, published in 1943. However, as the author of the article demonstrates, neither the “History” nor other major scholarly works attributed to Rátz were his. The so-called historian of Russia secretly used the services of communist intellectuals who wrote in his name. Anticipating the collapse of the nationalist regime in Hungary, Rátz attempted to use his supposed work on Russian history to adapt to the new political realities towards the end of the war. However, this attempt failed, and he died in exile in Switzerland in 1951.

The *Modi studiorum* section is dedicated to revealing the tools, methods, and technologies of the humanities, and the practical significance of auxiliary, or special, disciplines. Taken together, these disciplines are the domain of the few, although there is no historian or philologist who does not refer to them in their work. The articles in this section aim to demonstrate how final knowledge is obtained and the role these disciplines play in the field.

An example of professional mastery of codicological and textological analysis methods is given by the article by *Evgeniy Lyakhovitskiy* (St Petersburg, Russia), devoted to the study of the *Short and Full Inventories of the Property of Kirillo-Belozersky Monastery of 1621*. By applying methods of auxiliary historical disciplines, supplemented by methods of natural science research (spectral analysis of inks), the author discovers the conditions under which texts with similar content but without a common protograph originated. This circumstance is due to the different purposes of the documents and their differing functional intents.

An example of the comprehensive and skilled use of palaeographic, textological, and historical-genealogical methods is *Oleg Khoruzhenko's* (Moscow, Russia) article. The author's interest lies in the legend about the origin of the Zagryazhsky family. Preserved in a single copy, it is examined in the context of the Zagryazhsky genealogical scrolls. The author concludes that this legend is a parody of the genealogy genre and stands apart from traditional local pamphlets of the seventeenth century; in genre, it is closer to the historical anecdotes of the eighteenth century. This conclusion is interesting for both the history of the Russian nobility and the history of ancient Russian literature. The article links the “historical” and “philological” blocks of the section, as the following works revolve around the well-known linguistic triad of “style – genre – text”.

Tamara Matveeva's (Yekaterinburg, Russia) article, representing the stylistic school of thought at Ural Federal University, is devoted to summing up the scholar's reflections on the role of textual categories in the analysis of genre-text types of various functional styles [see: *Матвеева*]. The author uses examples of complete texts to show a logically consistent methodology of analysis, allowing an objective representation of the correlation between different groups of texts with genre and functional

style. *Maria Shirinkina* (Perm, Russia) develops T. V. Matveeva's theory, applying the category-textual method to discourse, significantly expanding the scope of the method. An important scholarly contribution of the research is the application of the category-textual method to analyse texts that belong to the periphery of the official-business discourse and function in the digital environment. *Natalia Kupina* and *Tatiana Itskovich* (Yekaterinburg, Russia), in their article dedicated to the study of the work of the Siberian writer Anatoly Omelchuk, turn to a text of artistic style with an indeterminate genre – an autobiographical novel/novella. Developing the category-textual analysis method, the authors discuss the idea of a mentally specific type of the Siberian as an explication of the textual categories of time and space. This opens opportunities for the objective linguistic characterization of the concepts of “national character” and “regional identity.”

The *Hereditas: nomina et scholae* section offers a brief overview of the history of one of the leading academic schools of Ural Federal University – the School of Applied Source Studies and Archaeography, which is celebrating its fiftieth anniversary this year. For the author of the article, *Irina Pochinskaya* (Yekaterinburg, Russia), the anniversary is an occasion to analyse the research conducted over the past decade at the Laboratory of Archaeographic Research at Ural Federal University.

In the *Conceptus et conceptio* section, *Yuri Seleznev* (Voronezh, Russia) addresses the use of the term “yoke”, concerning the dependence of Rus' on the Horde. The author argues that the term is not an anachronism but was born in the broad cultural and religious context of comprehending the geopolitical situation in Eurasia that had changed after the Mongol invasion. The term has deep roots in the Christian concept of the “Babylonian yoke” and even in ancient Roman history.

Finally, the *Controversiae et recensione* section features a review by *Vladimir Zemtsov* (Yekaterinburg, Russia) of Andrey Gladyshev's monograph “*Friends*” and “*Foes*”: *France in the Face of Invasion in 1814* (Moscow, 2023). The book focuses on the choices and changes in behavioural strategies faced by the French during the collapse of the Napoleonic Empire. According to the reviewer, the author skilfully reconstructs and interprets the contradictory situation in which French citizens were forced to choose between “betrayal” or “patriotism” towards their “own” tyrant and the willingness to fight or accept the rule of “foreign” liberators.

Dmitry Redin

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Tatyana Itskovich
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Что такое город? Простой вопрос, на который в сознании каждого возникнет образ, но не найдется точного ответа. То, что интуитивно кажется ясным на уровне «город – не деревня», трудно поддается строгому определению. Дефиниции «город» нет. Есть набор признаков, каждый из которых сам по себе становится зыбким при соприкосновении с реальностью. И даже системная совокупность этих признаков, дающая общие контуры понятия, требует оговорок в зависимости от того, какой город – во времени и пространстве – мы имеем в виду. Многоликость города как феномена, его изменчивость, ключевая роль в процессах исторического развития, побуждающие к междисциплинарному подходу в «городских» исследованиях, несомненно, определяют долгую жизнь последних.

Если ограничиться проблемами изучения только русского города, то и здесь мы обнаружим необозримую перспективу для трансформаций исследовательских подходов, интерпретаций, эмпирических открытий. Традиционная историография русского города, берущая свое начало еще в XVIII в. с трудов Г.-Ф. Миллера, на сегодняшний день обогатилась многочисленными работами самого широкого спектра: от историко-архитектурных, в которых города рассматриваются с точки зрения особенностей их архитектурно-пространственной организации, до выполненных в жанре антропологии города². Высокий интерес к теме подтверждается регулярно проводящимися конференциями, посвященными самым различным аспектам экономических, социокультурных, демографических сторон жизни городских сообществ, изучению социальных протестов горожан, их общественной организации, самоуправления и управления, социальной топографии, историко-географических характеристик русских городов и т. п.

Востребованность указанной тематики определила содержание рубрики *Problema voluminis*, посвященной русскому городу Нового времени. Рубрика открывается статьей *Елены Камараули* (Воронеж, Россия), в которой представлен процесс формирования городских сообществ в специфической среде южнорусского пограничья рубежа XVI–XVII вв. Поскольку наличие самоорганизованной и самоуправляющейся общины является одним из признаков города, а формы и структура таких общин, источники их возникновения и организации отличаются разнообразием, поднятая в статье тема имеет не только локальный интерес. Это подтверждают последующие статьи рубрики, посвященные исследованиям социальной стратификации и социального зонирования в русских городах нового типа: Санкт-Петербурге, будущей имперской столице (*Денис Алешин* и *Татьяна Базарова*, Санкт-Петербург, Россия), и Екатеринбурге, в будущем – крупнейшем центре управления горной и металлургической

² Краткий, но емкий обзор методико-методологических практик изучения истории русского города см.: [Каменский, с. 11–21].

промышленностью (Елена Бородина, Светлана Цеменкова, Екатеринбург, Россия). Обе статьи основаны на данных подворных переписей и сопровождающих их материалах. И Санкт-Петербург, и Екатеринбург на начальном периоде их существования не располагали развитыми посадскими общинами: крепость и верфь в первом случае, крепость и завод во втором в социальном смысле роднило то, что их основным населением «были военные и строители; дворян, купцов и ремесленников жило здесь очень мало» [Базарова, с. 4]. Тем не менее, зачатки гражданской общины формировались в этих центрах с первых моментов их жизни. Подворные переписи, едва ли не самые информативные источники демографической статистики раннего Нового времени (при всей сложности интерпретации их содержания), дают возможность детальной реконструкции социальных процессов, аутентичной социальной таксономии, особенностей методов управления. Ценность обеим статьям добавляет то, что в них общественная среда показана в динамике развития разной длительности: нескольких лет (1707–1711 гг., Санкт-Петербург) и нескольких десятилетий (1728 и 1788 гг., Екатеринбург).

Еще в двух статьях – Ольги Ермаковой (Екатеринбург, Россия) и Елены Главацкой и Юлии Боровик (Екатеринбург, Россия) – внимание фокусируется на отдельных общественных стратах русского города. В первой исследуются базовые составляющие социально-правового статуса зарубежных специалистов в России первой четверти XVIII в., концентрировавшихся в различных городах, вскрывается проблема конфликта правосознаний, выраженного в разности представлений зарубежных специалистов и представителей властных структур о правах и взаимных обязательствах. Во второй речь идет о жизненных траекториях представительниц экономически активных сословий, прежде всего купчих, в Екатеринбурге конца XIX в., об изменениях в их демографическом поведении, связанном со вдовством и положением в экономической жизни города. В работе Ольги Кошелевой (Москва, Россия) главное внимание уделяется изучению поведения и коммуникации людей в общественных местах российского города XVIII в. Одним из таких мест (и не только в России) являлась церковь. Рассматриваемая как пространство социальной и гендерной напряженности, она, тем не менее, по мнению автора, в российских реалиях не может считаться пространством публичным в том смысле, который вкладывал в это понятие Юрген Хабермас.

Problema voluminis – рубрика-камертон. Она задает звучание всему номеру, хотя не обязывает к тематическому унисону. Напротив, в каждом выпуске журнала не менее половины его объема отводится подборкам вне темы, что дает возможность предоставить площадку для высказываний предельно широкому (насколько это возможно) кругу авторов. Но в данном случае городская тема продолжает так или иначе звучать или ощущаться и за пределами рубрики. Особенно это заметно в рубрике *Origines*, в которой традиционно публикуются ори-

гинальные исторические источники. На сей раз она представлена двумя публикациями, хронологически относящимися к XVIII в. Источники, предлагаемые вниманию читателей, – производное большой политики, но сама политика есть продукт городской культуры начиная с античных времен, где *πόλις* – и собственно город, и городской социум, собрание свободных и правомочных граждан, гражданская община, и их городская/государственная деятельность – *політікѣ*. *Марина Накишова* (Екатеринбург, Россия) предлагает погрузиться в атмосферу интриг европейских держав вокруг так называемого «курляндского вопроса» – борьбы за влияние на Курляндское герцогство Речи Посполитой, чьей автономной частью (леном) оно являлось, России, Пруссии, Швеции, Великобритании и Франции. Пресечение правящей династии Кетлеров спровоцировало появление множества кандидатов на вакантный престол, за каждым из кандидатов стояли те или иные внешние силы.

Россия играла в борьбе за курляндское наследство одну из самых активных ролей, тем более, что вдовствующая герцогиня этого прибалтийского княжества Анна Иоанновна, будущая российская императрица, приходилась племянницей Петру Великому. Для продвижения русских интересов в Митаву, столицу Курляндии, в 1726–1727 гг. был отправлен с тайной миссией генерал-полицеймейстер Антон Девиер. Его реляции императрице Екатерине I впервые публикуются в нашем журнале. Не менее интригующие обстоятельства стали причиной появления другого текста, представленного в рубрике *Сергеем Мезиным* (Саратов, Россия) и *Наталией Сперанской* (Санкт-Петербург, Россия). Они представляют собой информацию иностранца-современника о событиях, произошедших в Санкт-Петербурге в первые недели после государственного переворота в пользу Елизаветы Петровны. Информация в виде письма на французском языке в адрес мазовецкого воеводы Станислава Понятовского была составлена в декабре 1741 г. Авторы публикации по ряду косвенных признаков атрибутируют авторство письма Иоганну Сигизмунду фон Пецольду, секретарю саксонского посольства при российском дворе. Текст, который публикуется в рубрике *Origines*, тем не менее, не подлинник письма, а более поздняя копия 1750-х гг., сделанная неизвестным переписчиком специально для Вольтера, работавшего в те годы над «Историей Российской империи при Петре Великом». Французский оригинал этой копии известен и находится в свободном доступе, а на страницах нашего журнала представлен впервые выполненный авторами русский перевод.

Наш условный камертон основной темы номера продолжает звучать и в рубрике *Disputatio*, по крайней мере постольку, поскольку статьи этой рубрики по большому счету относятся к политической и социальной истории, а их герои за некоторым исключением живут и действуют в городских пространствах. Но это общая канва. На самом деле традиционно эта рубрика отличается самой широкой и свободной проблематикой. Так, *Андрей Усачев* (Москва, Россия) знакомит читателя с малоисследованной темой личных связей архиереев с представите-

лями светской политической элиты России XVI в. как каналов поддержания взаимовыгодных взаимодействий между духовной и светской властями, создававших прочные неформальные сети доверия на горизонтальном уровне.

Сергей Полехов (Москва, Россия) и *Владимир Шишкин* (Санкт-Петербург, Россия) на основании новых материалов скрупулезно реконструируют перипетии династических и дипломатических контактов дворов московских Рюриковичей и Габсбургов «после Герберштейна», в период второго десятилетия XVI в. Это время русско-имперских отношений относительно слабо освещено источниками и наименее изучено в научной литературе. Авторы заполняют исследовательскую лакуну, раскрывая причины заинтересованности сторон в поддержании связей и итоговую их безрезультативность, обусловленную принципиальным расхождением целей московских и имперских династий в сложном переплетении европейской международной политики того времени.

В статье *Игоря Тюменцева* (Ростов-на-Дону, Россия) анализируются события одного из важных этапов русской Смуты начала XVII в. (распад тушинского лагеря Лжедмитрия II, «пересборка» его «двора» в Калуге) и роль в этих процессах казачества, наемников и служилых людей. Из эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени в Россию первой четверти XIX столетия переносит повествование статья *Дмитрия Тимофеева* (Екатеринбург, Россия). Автор исследует механизмы и каналы обратной связи властных институтов с подданными, позволявшие правительству оценить степень необходимости и возможности проведения реформ. Основой статьи стали коллективные обращения и прошения дворян Динабургского уезда и Гродненской губернии к центральным властям по вопросам освобождения крестьян от крепостной зависимости, организации местного судопроизводства и административно-финансовой деятельности.

К истории российского конституционализма начала XX в. обращаются *Чжан Гуансян* и *Су Нин* (Чанчунь, Китай). Проведя анализ обширного круга научной литературы по данному вопросу, авторы приходят к выводу о парадоксальной ситуации, сложившейся вокруг проблемы конституционных преобразований в поздней Российской империи. С одной стороны, идеи конституционалистов были обречены на провал, поскольку не пользовались сколько-нибудь серьезной поддержкой со стороны всех основных общественных групп и политических сил в стране. С другой стороны, несмотря на позднее, по сравнению с Западной Европой, возникновение российского конституционализма, идеи его приверженцев сами по себе можно оценивать как исключительно важные и продуктивные в русле развития общественно-политической мысли.

Завершает рубрику исследование *Дюль Свака* (Будапешт, Венгрия) о пестрой политической судьбе Кальмана Ратца, бывшего венгерского офицера-гонимого Первой мировой войны, делавшего политическую

карьеру в рядах национал-социалистического нилашистского движения и умудрившегося при этом прослыть автором первой в XX в. венгерской «Истории России», вышедшей в 1943 г. Однако, как доказывает автор статьи, ни это, ни другие крупные научные произведения Ратца ему не принадлежали. Будучи человеком, крайне чутким к изменениям политической конъюнктуры, мнимый историк-русист тайно пользовался услугами коммунистов-интеллектуалов, писавших от его имени. Предчувствуя крах националистического режима в Венгрии, Ратц начал постепенно «леветь», а к концу войны попытался использовать «свой» труд по российской истории для того, чтобы встроиться в новые политические реалии. Впрочем, ему это не удалось, и в 1951 г. он скончался в эмиграции в Швейцарии.

Рубрика *Modi studiorum* традиционно посвящена раскрытию инструментария гуманитарных наук, методам и технологиям гуманитаристики, практической значимости вспомогательных или специальных дисциплин. Взятые *per se*, эти дисциплины – удел немногих, хотя нет такого историка или филолога, который бы не обращался к ним в своей работе. Их «вспомогательный» характер на самом деле лежит в основе любого квалифицированного гуманитарного исследования, но далеко не всегда их базовая роль очевидна. Статьи настоящей рубрики призваны показать, каким образом достается итоговое знание и какую роль в этом процессе играют названные дисциплины.

Пример виртуозного владения методами кодикологического и текстологического анализа дает статья *Евгения Ляховицкого* (Санкт-Петербург, Россия), посвященная изучению Краткой и Полной описей имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1621 г. Именно в результате применения классических методов вспомогательных исторических дисциплин, дополненных методами естественнонаучного исследования (использование спектрального анализа чернил), автор выясняет условия происхождения текстов, близких по содержанию, но не восходящих к общему протографу. Последнее обстоятельство оказывается обусловлено разными целеполаганиями создания документов и разным их функциональным предназначением.

Другим образцом комплексного и квалифицированного использования палеографического, текстологического и историко-генеалогического методов является статья *Олега Хоруженко* (Москва, Россия). Объектом его интереса стала пародийная легенда о происхождении рода Загряжских. Сохранившаяся в единственном списке, она исследуется в плотном контексте списков родословных росписей Загряжских. В результате автор приходит к выводу, что данная легенда – пародия на родословия, она стоит особняком в ряду традиционных местнических памфлетов XVII в. и по жанру скорее ближе к более поздним историческим анекдотам XVIII столетия – вывод, представляющий значительный интерес не только с точки зрения изучения истории русского дворянства, но и с точки зрения истории древнерусской литературы. Статья оказывается в известной степени связующей между «историческим» и «филологиче-

ским» блоками рубрики, поскольку следующие работы принадлежат перу филологов и выстраиваются вокруг известной лингвистической триады «стиль – жанр – текст».

Так, статья *Тамары Матвеевой* (Екатеринбург, Россия), представителя стилистической научной школы Уральского федерального университета, посвящена подведению итоговых для ученого (почти через 35 лет после выхода монографии «Функциональные стили в аспекте текстовых категорий», 1990) размышлений о роли текстовых категорий в анализе жанров-текстотипов различных функциональных стилей [см.: Матвеева]. Автор на примерах целостных текстов показывает логически непротиворечивую методологию анализа, позволяющую объективно представить соотнесение различных групп текстов с жанром и функциональным стилем в целом. *Мария Ширинкина* (Пермь, Россия) развивает теорию Т. В. Матвеевой, так как она применяет категориально-текстовый метод уже не к характеристике функционального стиля, но к дискурсу, что является несомненно новым поворотом и позволяет существенно расширить сферу применения метода. Еще одним важным научным достоинством данного исследования является применение категориально-текстового метода для анализа текстов, относящихся к периферии официально-делового дискурса и функционирующих в цифровой среде. *Наталья Купина* и *Татьяна Ицкович* (Екатеринбург, Россия) в своей статье, посвященной исследованию творчества сибирского писателя Анатолия Омельчука, обращаются к тексту художественного стиля с трудноопределимым жанром автобиографического романа-новеллы и, развивая метод категориально-текстового анализа, предлагают к обсуждению идею ментально-специфического типа сибиряка как экспликации текстовых категорий времени и пространства, что открывает возможности объективной лингвистической характеристики понятий «национальный характер» и «региональная идентичность».

Три завершающие рубрики содержат по одной статье различной тематической направленности, но равноценно значимых для раскрытия тех или иных проблем исторических исследований. В рубрике *Hereditas: nomina et scholae* читателю предлагается краткий обзор истории одной из ведущих научных школ Уральского федерального университета – школы прикладного источниковедения и археографии, которой в этом году исполняется 50 лет. Но для автора статьи *Ирины Починской* (Екатеринбург, Россия) юбилей – только повод для анализа современного состояния научной работы, осуществляемой в последнее десятилетие на базе Лаборатории археографических исследований – старейшего центра школы, вокруг которого институционально группируется не одно поколение его представителей.

Юрий Селезнев (Воронеж, Россия) в рубрике *Conceptus et conceptio* обращается к вопросу бытования термина «иго» применительно к зависимости Руси от Орды. Автор доказывает, что термин не является анахронизмом, порожден в широком культурно-религиозном контексте осмысления изменившейся после завоевания монголами геополити-

ческой ситуации в Евразии, имеет глубокие корни в христианской концепции «вавилонского ига» и даже в древнеримской истории.

Рубрика *Controversiae et recensione* представлена рецензией *Владимира Земцова* (Екатеринбург, Россия) на монографию *Андрея Гладышева* «“Свой” и “Чужие”: Франция перед лицом вторжения в 1814 году» (М.: Политическая энциклопедия, 2023). В центре внимания автора книги – ситуация выбора и смены поведенческих стратегий, с которыми столкнулись французы в ходе краха наполеоновской империи. По оценке рецензента, автору книги удалось мастерски реконструировать и проинтерпретировать всю противоречивость этой ситуации, в которой французским подданным приходилось делать выбор между «предательством» или «патриотизмом» по отношению к «своему» тирану и готовностью бороться или принять власть «чужих» освободителей.

Мы надеемся, что читателей не разочарует очередной номер *Quaestio Rossica*, в котором каждый сможет найти что-то интересное и полезное для себя.

Дмитрий Редин

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Татьяна Ицкович

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Библиографические ссылки

Базарова Т. А. Планы петровского Петербурга : Источниковедческое исследование. СПб. : Наука, 2003. 310 с.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей : Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М. : РГГУ, 2007. 403 с.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхрон.-сопоставит. очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 168 с.

References

Bazarova, T. A. (2003). *Plany petrovskogo Peterburga. Istochnikovedcheskoe issledovanie* [The Plans of Petrine Petersburg. Source Study]. St Petersburg, Nauka. 310 p.

Kamensky, A. B. (2007). *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatel'ei. Istoricheskie anekdoty iz provintsial'noi zhizni XVIII veka* [Everyday Life of Russian City Dwellers. Historical Anecdotes from Provincial Life of the 18th Century]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 403 p.

Matveeva, T. V. (1990). *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii. Sinkhronno-sopostavitel'nyi ocherk* [Functional Styles in the Aspect of Text Categories. Synchronic-Comparative Essay]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 168 p.